

А. К. Толстой

Баллады, былины, притчи

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Т52

Т52 **Толстой А.К.**
Баллады, былины, притчи / А. К. Толстой – М.: Книга по Требованию, 2021. – 42 с.

ISBN 978-5-4241-2364-1

Граф Алексей Константинович Толстой (1817–1875) остался бы в истории русской поэзии и литературы благодаря одному только лирическому шедевр «Средь шумного бала...». А ведь им создано могучее историческое полотно «Князь Серебряный», знаменитая драматургическая трилогия о русских царях, неувядаемая сатира «История государства Российского...», злободневная и по сей день. Бесценен его вклад в сочинения небезызвестного Козьмы Пруtkова. Благородный талант А. К. Толстого, его творчество до сих пор остаются живым литературным явлением.

ISBN 978-5-4241-2364-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А.К. Толстой, 2021

Алексей Константинович
Толстой

Зачинается песня от древних
затей. (Баллады, былины,
притчи)

ВОЛКИ

Когда в селах пустеет,
Смолкнут песни селян
И седой забелеет
Над болотом туман,
Из лесов тихомолком
По полям волк за волком
Отправляются все на добычу.
Семь волков идут смело.
Впереди их идет
Волк осьмой, шерсти белой;
А таинственный ход
Заключает девятый.
С окровавленной пятой
Он за ними идет и хромает.
Их ничто не пугает.
На село ли им путь,
Пес на них и не лает;
А мужик и дохнуть,
Видя их, не посмеет:
Он от страху бледнеет
И читает тихонько молитву.
Волки церковь обходят
Осторожно кругом,
В двор поповский заходят
И шевелят хвостом,
Близ корчмы водят ухом
И внимают всем слухом,
Не ведутся ль там грешные речи?
Их глаза словно свечи,
Зубы шила острей.
Ты тринадцать картечей
Козьей шерстью забей
И стреляй по ним смело,
Прежде рухнет волк белый,
А за ним упадут и другие.
На селе ж, когда спящих
Всех разбудит петух,
Ты увидишь лежащих
Девять мертвых старух.
Впереди их седая,
Позади их хромая,
Все в крови... с нами сила Господня!

1840-е годы

* * *

Где гнутся над омутом лозы,
Где летнее солнце печет,
Летают и пляшут стрекозы,
Веселый ведут хоровод.
«Дитя, подойди к нам поближе,
Тебя мы научим летать,
Дитя, подойди, подойди же,
Пока не проснулася мать!
Под нами трепещут былинки,
Нам так хорошо и тепло,
У нас бирюзовые спинки,
А крылышки точно стекло!
Мы песенку знаем так много,
Мы так тебя любим давно —
Смотри, какой берег отлогий,
Какое песчаное дно!»

1840-е годы

КУРГАН

В степи, на равнине открытой,
Курган одинокий стоит:
Под ним богатырь знаменитый
В минувшие веки зарыт.
В честь витязя тризну свершали,
Дружина дралася три дня,
Жрецы ему разом заклали
Всех жен и любимца коня.
Когда же его схоронили
И шум на могиле затих,
Певцы ему славу сулили,
На гусях гремя золотых:
«О витязь! делами твоими
Гордится великий народ,
Твое громоносное имя
Столетия все перейдет!
И если курган твой высокий
Сровнялся бы с полем пустым,
То слава, разлившись далеко,
Была бы курганом твоим!»
И вот миновались годы,
Столетия вслед протекли,
Народы сменили народы,
Лицо изменилось земли.
Курган же с высокой главою,
Где витязь могучий зарыт,
Еще не сровнялся с землею,
По-прежнему гордо стоит.

А витязя славное имя
До наших времен не дошло...
Кто был он? венцами какими
Свое он украсил чело?
Чью кровь проливал он рекою?
Какие он жег города?
И смертью погиб он какою?
И в землю опущен когда?
Безмолвен курган одинокий...
Наездник державный забыт,
И тризны в пустыне широкой
Никто уж ему не свершит!
Лишь мимо кургана мелькает
Сайгак, через поле скача,
Иль вдруг на него налетает,
Крилами треща, саранча.
Порой журавлиная стая,
Окончив подоблачный путь,
К кургану шумит подлетая,
Садится на нем отдохнуть.
Тушканчик порою проскачет
По нем при мерцании дня,
Иль всадник высоко маячит
На нем удалого коня,
А слезы прольют разве тучи,
Над степью плывя в небесах,
Да ветер лишь светит летучий
С кургана забытого прах...

1840-е годы

КНЯЗЬ РОСТИСЛАВ

Уношу князю Ростиславу
затвори Днепр темне березе.
«Слово о полку Игореве»
Князь Ростислав в земле чужой
Лежит на дне речном,
Лежит в кольчуге боевой,
С изломанным мечом.
Днепра подводные красы
Лобзаться любят с ним
И гребнем витязя власы
Расчесывать златым.
Его напрасно день и ночь
Княгиня дома ждет...
Ладья его умчала прочь —
Назад не принесет!
В глухом лесу, в земле чужой,

В реке его приют,
Ему попы за упокой
Молитвы не поют;
Но с ним подводные красы,
С ним дев веселых рой,
И чешет витязя власы
Их гребень золотой.
Когда же на берег Посвист
Седые волны мчит,
В лесу кружится желтый лист,
Ярьсь, Перун гремит,
Тогда, от сна на дне речном
Внезапно пробудясь,
Очами мутными кругом
Взирает бедный князь.
Жену младую он зовет —
Увы! его жена,
Прождав напрасно целый год,
С другим обручена.
Зовет к себе и брата он,
Его обнять бы рад —
Но, сонмом гридней окружен,
Пирует дома брат.
Зовет он киевских попов,
Велит себя отпеть —
Но до отчизны слабый зов
Не может долететь.
И он, склонясь на ржавый щит,
Опять тяжелым сном
В кругу русалок юных спит
Один на дне речном...

1840-е годы

ВАСИЛИЙ ШИБАНОВ

Князь Курбский от царского гнева бежал,
С ним Васька Шибанов, стремянный.
Дороден был князь. Конь измученный пал.
Как быть среди ночи туманной?
Но рабскую верность Шибанов храня,
Своего отдает воеводе коня:
«Скачи, князь, до вражьего стану,
Авось я пешой не отстану».
И князь доскакал. Под литовским шатром
Опальный сидит воевода,
Стоят в изумленье литовцы кругом,
Без шапок толпятся у входа,
Всяк русскому витязю честь воздает;

Недаром дивится литовский народ,
И ходят их головы кругом:
«Князь Курбский нам сделался другом».
Но князя не радует новая честь,
Исполнен он желчи и злобы;
Готовится Курбский царю перечесть
Души оскорбленной зазнобы:
«Что долго в себе я таю и ношу,
То все я пространно к царю напишу,
Скажу напрямик, без изгиба,
За все его ласки спасибо».
И пишет боярин всю ночь напролет,
Перо его местию дышит,
Прочтет, улыбнется, и снова прочтет,
И снова без отдыха пишет,
И злыми словами язвит он царя,
И вот уж, когда занялася заря,
Поспело ему на отраду
Послание, полное яду.
Но кто ж дерзновенные князя слова
Отвезть Иоанну возьмется?
Кому не любя на плечах голова,
Чье сердце в груди не сожмется?
Невольно сомненья на князя нашли...
Вдруг входит Шибанов в поту и в пыли:
«Князь, служба моя не нужна ли?
Вишь, наши меня не догнали!»
И в радости князь посылает раба,
Торопит его в нетерпенье:
«Ты телом здоров, и душа не слаба,
А вот и рубли в награжденье!»
Шибанов в ответ господину: «Добро!
Тебе здесь нужнее твое серебро,
А я передам и за муки
Письмо твое в царские руки».
Звон медный несется, гудит над Москвой;
Царь в смирной одежде трезвонит;
Зовет ли обратно он прежний покой
Иль совесть навеки хоронит?
Но часто и мерно он в колокол бьет,
И звону внимает московский народ,
И молится, полный боязни,
Чтоб день миновался без казни.
В ответ властелину гудят терема,
Звонит с ним и Вяземский лютей,
Звонит всей опрични крошечная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,

И тут же, гордяся своею красой,
С девичьей улыбкой, с змеиной душой,
Любимец звонит Иоаннов,
Отверженный Богом Басманов.
Царь кончил; на жезл опираясь, идет,
И с ним всех окольных собрание.
Вдруг едет гонец, раздвигает народ,
Над шапкою держит послание.
И спрынул с коня он поспешно долой,
К царю Иоанну подходит пешой
И молвит ему, не бледнея:
«От Курбского князя Андрея!»
И очи царя загорелись вдруг:
«Ко мне? От злодея лихого?
Читайте же, дьяки, читайте мне вслух
Послание от слова до слова!
Подай сюда грамоту, дерзкий гонец!»
И в ногу Шибанова острый конец
Жезла своего он вонзает,
Налег на костыль – и внимает:
«Царю, прославляему древле от всех,
Но тонущу в сквернах обильных!
Ответствуй, безумный, каких ради грех
Побил еси добрых и сильных?
Ответствуй, не ими ль, средь тяжкой войны,
Без счета твердыни врагов сражены?
Не их ли ты мужеством славен?
И кто им бысть верностью равен?
Безумный! Иль мнишися бессмертнее нас,
В небытную ересь прельщенный?
Внимай же! Приидет возмездия час,
Писанием нам предреченный,
И аз, иже кровь в непрестанных боях
За тя, аки воду, лях и лях,
С тобой пред судьбою предстану!»
Так Курбский писал к Иоанну.
Шибанов молчал. Из пронзенной ноги
Кровь алым струилася током,
И царь на спокойное око слуги
Взирал испытующим оком.
Стоял неподвижно опричников ряд;
Был мрачен владыки загадочный взгляд,
Как будто исполнен печали;
И все в ожидание молчали.
И молвил так царь: «Да, боярин твой прав,
И нет уж мне жизни отрадной,
Кровь добрых и сильных ногами поправ,

Я пес недостойный и смрадный!
Гонец, ты не раб, но товарищ и друг,
И много, зная, верных у Курбского слуг,
Что выдал тебя за бесценок!
Ступай же с Малютой в застенки!»
Пытают и мучат гонца палачи,
Друг к другу приходят на смену:
«Товарищей Курбского ты уличи,
Открой их собачью измену!»
И царь вопрошает: «Ну что же гонец?
Назвал ли он вора друзей наконец?»
«Царь, слово его все едино:
Он славит своего господина!»
День меркнет, приходит ночная пора,
Скрыпят у застенка ворота,
Заплечные входят опять мастера,
Опять зачалася работа.
«Ну, что же, назвал ли злодеев гонец?»
«Царь, близок ему уж приходит конец,
Но слово его все едино,
Он славит своего господина:
«О князь, ты, который предать меня мог
За сладостный миг укоризны,
О князь, я молю, да простит тебе Бог
Измену твою пред отчизной!
Услышь меня, Боже, в предсмертный мой час,
Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но в сердце любовь и прощенье,
Помилуй мои прегрешенья!
Услышь меня, Боже, в предсмертный мой час,
Прости моего господина!
Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но слово мое все едино:
За грозного, Боже, царя я молось,
За нашу святую, великую Русь,
И твердо жду смерти желанной!»
Так умер Шибанов, стремянный.

1840-е годы

КНЯЗЬ МИХАЙЛО РЕПНИН

Без отдыха пирует с дружиной удалой
Иван Васильич Грозный под матушкой-Москвой.
Ковшами золотыми столов блистает ряд,
Разгульные за ними опричники сидят.
Вечерни льются вины на царские ковры,
Поют ему с полночи лихие гусяры,
Поют потехи брани, дела былых времен,

И взятие Казани, и Астрахани плен.
 Но голос прежней славы царя не веселит,
 Подать себе личину он кравчему велит:
 «Да здравствуют тиуны, опричники мои!
 Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи!
 ебе личину, други, пусть каждый изберет,
 Я первый открываю веселый хоровод,
 За мной, мои тиуны, опричники мои!
 Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи!»
 И все подъяли кубки. Не поднял лишь один;
 Один не поднял кубка, Михайло князь Репнин.
 «О царь! Забыл ты Бога, свой сан ты, царь, забыл!
 Опричниной на горе престол свой окружил!
 Рассыпь державным словом детей бесовских рать!
 Тебе ли, властелину, здесь в машкаре плясать!»
 Но царь, нахмуря брови: «В уме ты, знать, ослаб
 Или хмелен не в меру? Молчи, строптивый раб!
 Не возражай ни слова и машкару надень —
 Или клянусь, что прожил ты свой последний день!»
 Тут встал и поднял кубок Репнин, правдивый князь:
 «Опричина да сгинет! — он рек, перекрестясь. —
 Да здравствует во веки наш православный царь!
 Да правит человеки, как правил ими встарь!
 Да презрит, как измену, бесстыдной лести глас!
 Личины ж не надену я в мой последний час!»
 Он молвил и ногами личину растоптал;
 Из рук его на землю звенящий кубок пал...
 «Умри же, дерзновенный!» — царь вскрикнул, разъярясь,
 И пал, жезлом пронзенный, Репнин, правдивый князь.
 И вновь подъяты кубки, ковши опять звучат,
 За длинными столами опричники шумят,
 И смех их раздаётся, и пир опять кипит,
 Но звон ковшей и кубков царя не веселит:
 «Убил, убил напрасно я верного слугу,
 Вкушать веселье ныне я боле не могу!»
 Напрасно льются вина на царские ковры,
 Поют царю напрасно лихие гусяры,
 Поют потехи брани, дела былых времен,
 И взятие Казани, и Астрахани плен.

1840-е годы

* * *

В колокол, мирно дремавший, с налета тяжелая бомба
 Грянула; с треском кругом от нее разлетелись осколки;
 Он же вздрогнул, и к народу могучие медные звуки
 Вдаль потекли, негодуя, гудя и на бой созывая.

5 декабря 1855